

Извеков Аркадий Игоревич

"ЗЕРКАЛО" ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПЕРЕВОРОТА: ДЕКАРТ И РЕМБРАНДТ

В статье сопоставляются гносеологическая позиция Декарта и художественно-философский принцип творчества Рембрандта. Считается общепризнанным, что они являются фигурами-символами начала Нового времени. Сравнение их творчества, выявление глубинных отличий двух философских позиций, открывает новые нюансы такого явления, как духовная свобода. В свою очередь, сопоставление данного явления с исторической динамикой самосознания человека дает возможность более ясной трактовки понятия "экзистенциальный переворот".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/4/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(78) С. 84-87. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Таким образом, можно констатировать, что в современном абхазском обществе до сих пор дорожат своим происхождением. И оно остается одной из важнейших ценностей.

Список источников

1. Баратов С. В. Очерк нравов и разделения податного сословия абхазцев. Из дневника старшего члена комиссии по разбору личных и поземельных прав абхазцев // Тифлисский вестник. 1879. № 98.
2. Ботяков Ю. М. Семейный праздник на святилище Джашакьяр-ныха в современной Абхазии // Лавровский сборник: этнология, история, археология, культурология: материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008-2009 гг. СПб.: Кунсткамера, 2009. С. 82-87.
3. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1982. 517 с.
4. Зельницкая Р. Ш. Лопатка-амхад как инструмент установления социальной дифференциации у абхазских абхазов // Лавровский сборник: этнология, история, археология, культурология: материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008-2009 гг. СПб.: Кунсткамера, 2009. С. 94-96.
5. Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965. 690 с.
6. Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. 382 с.
7. Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми: Алашара, 1976. 463 с.
8. Куправа А. Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум: ГПП «Дом печати», 2008. 634 с.
9. Маан О. В. Абжуа. Сухум: АБИГИ, 2006. 595 с.
10. Очерк устройства политического быта в Абхазии и Самурзакани // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Кавказское горское управление, 1870. С. 1-25.
11. Полевой материал автора. Информатор Айба Лина Шайбовна, 1959 г.р. Республика Абхазия, с. Джгерда Очамчирского р-на. Записан в августе 2008 г.
12. Полевой материал автора. Информатор Воуба Датыркан Гивиевич, 1974 г.р. Республика Абхазия, с. Джгерда Очамчирского р-на. Записан в августе 2010 г.
13. Полевой материал автора. Информатор Фейзба Гурам Константинович, 1964 г.р. Республика Абхазия, с. Джгерда Очамчирского р-на. Записан в июне 2011 г.
14. Полевой материал автора. Информатор Шларба Шота Калистратович, 1940 г.р. Республика Абхазия, с. Джгерда Очамчирского р-на. Записан в июле 2009 г.
15. Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО XXI, 2008. 496 с.
16. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1957. 264 с.

**TRADITIONAL SOCIAL HIERARCHY OF INTER-FAMILY RELATIONS AMONG THE ABKHAZIANS
(BY THE MATERIAL OF ABZHYWA REGION)**

Zel'nitskaya (Shlarba) Ritsa Shotovna
Russian Museum of Ethnography in Saint Petersburg
riza81@yandex.ru

The article examines three variants of hierarchic relationships in Abkhazia. The first one is associated with traditional class division of the Abkhazian society. The second one – the status indicator – is a property qualification, first of all, hereditary ownership of land since land was the basic source of the family income. Another important indicator of ancient lineage is a patrimonial relic – anykh.

Key words and phrases: Abzhywa region of Abkhazia; family unions; statusness; noblemen; peasants.

УДК 130.2

Философские науки

В статье сопоставляются гносеологическая позиция Декарта и художественно-философский принцип творчества Рембрандта. Считается общепризнанным, что они являются фигурами-символами начала Нового времени. Сравнение их творчества, выявление глубинных отличий двух философских позиций, открывает новые нюансы такого явления, как духовная свобода. В свою очередь, сопоставление данного явления с исторической динамикой самосознания человека дает возможность более ясной трактовки понятия «экзистенциальный переворот».

Ключевые слова и фразы: свобода; духовная свобода; ответственность; сознание; самосознание; экзистенциальный переворот.

Извеков Аркадий Игоревич, д. филос. н., доцент
Санкт-Петербургский институт специальной педагогики и психологии
Arkady.izvekov@gmail.com

«ЗЕРКАЛО» ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПЕРЕВОРОТА: ДЕКАРТ И РЕМБРАНДТ

Падение Константинополя, открытие Нового света, Тридцатилетняя война, Вестфальский мир, первые буржуазные революции кардинально изменили Европу. Все это свершилось немногим более чем за столетие,

теперь бесспорно означающее эпоху перехода к Новому времени. Становление его культурных доминант было сопряжено со множеством событий, к любому из которых применимо слово «переворот». Практически каждое из них связано с фигурой, чье имя стало безусловным символом беспрецедентных перемен. Гутенберг, Лютер, Коперник... В этом же ряду – Декарт и Рембрандт.

Юношеское прощание со Средневековьем состоялось еще в Возрождении. Но действующая до сих пор «граница» между истинно старым и новым была прочерчена несколько позже. Демаркация состоялась признанием факта, ранее неизвестного ни одной культуре мира. Лавры первенства его открытия, как принято считать, принадлежат исключительно Декарту. Действительно, именно он сказал о человеке как о существе, наделенном самосознанием.

В картезианстве, наверное, важен не только отвоеванный статус человека как мыслящего существа. Большое значение имеет интроспективное понимание сознания, что есть выход действительно на новый рубеж. «Рассуждения о методе» и «Размышления о первой философии» свидетельствуют о принципиальном шаге в процессе взросления человечества – признании самосознания.

Картезианское «мыслю, следовательно, существую» громоздится на вершине «башни» из философских, математических, физических, физиологических исследований, наблюдений, умопостроений... Где-то в ее фундаменте – интерес к развитию зародышей различных существ, изучению принципов функционирования организмов, специфика мозга, «шишковидной железы» и многое другое, что привело к более чем значительным выводам. «Высшим совершенством человека является свобода волений», – декларирует Декарт [2, с. 328]. И уточняет: «Мы по собственному выбору можем со многим соглашаться либо не соглашаться» [Там же, с. 329]. Именно с этим базисом у него связано стремление найти «первые начала человеческого рассудка» [Там же, с. 88]. Оно завершается обоснованием идеи «сознающего себя ума» [Там же, с. 318], и подобная интроспекция кажется уже предельной.

Но Декарт уходит еще глубже – сознание, направленное на постижение принципов собственного «устройства», репрезентирует подлинный вопрос сознания о самом себе. Тогда сознание становится предметом самого себя в полной и максимальной мере. Последствия этого признания столь значительны, что распознать их смог только XX век. Только Хайдеггер сказал о Декарте, что он «открывает» путь Нового времени постуляцией факта первичности мышления по отношению к миру [9, с. 95]. Только Мамардашвили сформулировал идею самосознания как «субстанции», существование которой является в присутствии самой себе. «Это присутствие сознания сознанию, а не сознание какого-либо содержания. В этой абстракции сознание фиксируется как не имеющее для себя референта в мире...» [5, с. 216].

Так почему же, стремясь понять существо момента возникновения Нового времени, рядом с именем Декарта столь неизбежно хочется вписать еще одно – Рембрандт? Ответ прост, но не самоочевиден: Рембрандт «сказал» больше, чем Декарт.

Художественный девиз Рембрандта значительно масштабнее гносеологической программы Декарта. В одной из своих самых ранних картин – «Художник в мастерской» – Рембрандт, как кажется, «вторит» декартовской надежде на понимание Абсолюта, «порожденного одним лишь светом разума» [2, с. 84]. Но разворот мольберта осуществлен так, что мы видим не просто исходящее сияние. Юноша, стоящий перед едва лишь начатой картиной, непонятным образом оказывается у края сияющей бездны. В ее потаенном пространстве теплится разгадка великой тайны мироздания и ответ на вопрос о человеческой сути, призвании, предназначении в бытии. Оттого все, что произойдет впоследствии между художником и его произведением, – это озаренный надеждой путь к познанию не только истины, но и нравственного канона.

Рембрандт прекрасно освоит и гениально передаст свое понимание свободы «действий и волений». Разумеется, это «Ночной дозор». Но в нем безошибочно видно, что человеку дана свобода с большим количеством степеней, чем это было определено Декартом. Динамика расстановки фигур в пространстве, энергия ритма картины, явное присутствие социального достоинства персонажей – далеко не все, что принципиально ново в ней. Там непостижимое для XVII века «третье измерение» свободы, несопоставимое ни с ее физической, ни с социальной ипостасями.

Сознание, обнаруживающее опору только в самом себе, дарует ранее непредставимое – свободу от веры в Откровение. Субъект, признавший самосознание, неспособен довериться чужой догме о смысле мира. От этого Божественное теряет мифологическую определенность, незыблемость, однозначность. Парадокс Декарта: обосновав самосознание, он не смог принять идущих из этого следствий. Прямое подтверждение тому – его новая догматика в обосновании Бога. Для Рембрандта открылся иной путь.

Непознанность свободы рождает страх. Но самосознание, преодолевшее его, беспрестанно ищет нравственное основание через самое себя. И так как ничто из внешнего мира не указывает на правило самоорганизации мыслящего Я, самосознание произвольно наделяет мир любым смысловым содержанием. Это и есть новое «измерение» свободы, которое позже назовут духовным. Одна из главных его характеристик – неопределенность критерия нравственных суждений о бытии и своем участии в нем.

Неясность, недоговорённость, многосложность экзистенциальных смыслов происходящего – отличительная черта большинства значительных работ Рембрандта. Мы можем только приблизительно судить, Аман или Урия, заговор или единение связуют персонажей одной из самых загадочных его картин. Оттого нравственные переживания участников сцены также остро противоположны, диалектичны. Сострадание и презрение, смирение и ненависть, покорность и полное отторжение, вдумчивая печаль и холодность,

отзывчивость горю и скрываемое торжество – весь спектр чувств переливается одновременно. Ничего нельзя сказать однозначно, все возможно, все вероятно.

Подобная неопределенность – испытание для зрителя, за которым неотвратимо сохраняется право выносить вердикт и, значит, право духовной свободы. Позволить испытать ее другому может лишь тот, кто сам познал свободу в полной мере. Размытость границы между добром и злом вовсе не означает примитивного безразличия к человеку, к его чувствам. Экзистенциальная неопределенность полотен Рембрандта – это всего лишь смысловая неоднозначность любого из возможных вердиктов. Математическое описание этого состояния смогла дать только квантовая механика XX века.

Каким бы ни был приговор о смысле – он остается «непроверяемым» на предмет окончательности и неоспоримости. И это же означает глубинную неискоренимую жажду справедливости, ведущую человека по пути личностного познания добра и зла. Рационализм самосознания неразрывно переплетен с иррациональным требованием совести. И чем больше сознание становится именно самосознанием, тем меньше твердых правил, которым человек способен доверять.

«Признаюсь, – пишет Декарт, – я родился с таким умом, что всегда находил величайшее удовольствие от занятий не в том, чтобы выслушивать доводы других, а в том, чтобы находить их собственными стараниями» [Там же, с. 108]. Однако вершина его мысли – методология сомнения – не предостерегает от утверждения новой догмы о врожденных идеях. Рембрандт существует в ином «пространстве» духа...

Эсфирь пригласила на пир Амана и Артаксеркса. Библейское описание сюжета вносит в изображенную Рембрандтом сцену определенность. Совершенно ясно, на чьей стороне торжество превосходства. Но воцарившееся молчание сцены попирает ветхозаветную экзистенциальную ясность происходящего. Только лишь задумчивость считывается с лиц присутствующих. Существо мысли, нравственная оценка происшедшего, моральный урок случившегося скрыты в глубинах внутреннего мира персонажей. Отчетливость догмы священного текста уже не может ретранслировать нам единственно возможное понимание их духовного состояния. Оно останется навсегда сокрытым для любого, даже самого пронизательного, внешнего взора. Вместе с тем оно может проясниться, но только в субъективности личной интроспекции.

Впервые невозмутимый взгляд, обращенный во внутриличностное смысловое «пространство», появился у «Лютниста» Караваджо. Юноша точно так же задумчив, как и участники пира Эсфири. И ему также открыта бесконечная перспектива собственных чувств. И его мысль направлена вовсе не на принятую им раз и навсегда догму из чужого рассказа о мире. Он имеет дело с чем-то безусловно предоставленным ему на усмотрение, следующим из произвольности самосознания. Вся совокупность предрешенных условий бытия не в состоянии ограничить простор свободного суждения о смысле пребывания в бытии. Поначалу это суждение кажется мгновенным даром его первой юношеской задумчивости. Но на самом деле оно – результат мучительного пути самосозидания длиной в жизнь. Однако молодому человеку пока это еще не дано понять.

Автопортреты Рембрандта... Вереница образов самого себя, от юности до практически последнего дня. Бесстрашное самонаблюдение, продлившееся всю жизнь. Бескомпромиссное восприятие зеркального отражения собственной сути многократно перенесено на холст. Эпатирующие наряды, время от времени накидываемые на естество собственной сути, ничего не исказили из того, кем был сам Рембрандт. Сквозь любой изобретенный им образ собственной Я неизменно проступает неискраженный этап становления его нравственной сути.

Необъяснимым образом Рембрандту удалось донести до нас то, о чем смогли сказать только Камю [3], Сартр [7], Ясперс [10], Хайдеггер [9]: существо человека – это не то, что дано ему до его существования. Напротив, его сущность формируется им самим в процессе собственной экзистенции. В этом и существо «третьего измерения» свободы – его духовной составляющей. Декарт не смог преодолеть этот рубеж. И нам, вероятнее всего, уже не дано узнать, как Рембрандту открылось понимание: природа человека такова, что он сам может устанавливать свою природу.

Испытание духовной свободой – тяжелое бремя, которое не всем по силам. Отказ от зова совести иссушает душу, направляет по ложному пути. Нечто подобное высказал младший современник Рембрандта – Паскаль [6]. И все же «Притча о неразумном богаче» – предсказание именно Рембрандта. Только столетия спустя Э. Фромм скажет об этом как о «бегстве от свободы», безутешный результат которого – «псевдоличность», человек искаженной сути, обернувший нравственный запрос о смысле бытия к прагматике средств существования.

Размышления Рембрандта о старости – времени непоправимого итога самосозидания или саморазрушения – абсолютно бескомпромиссны. Два портрета глубоких старцев – «Старика еврея» и «Старика в красном» дают нам диаметрально противоположные вариации перспектив «Юноши с лютней». Декарт первым из мыслителей Нового времени заявил о «первых началах человеческого рассудка». Но он не продолжил эту мысль идеей ответственности за право их обладанием. Прямо заявил о ней Рембрандт, и не только портретами стариков, но и галереей своих собственных. Вереница его автопортретов – свидетельство невероятного эксперимента длиной в жизнь. Беспрецедентное самонаблюдение через автопортреты, никем непревзойденная способность показать саморазвертывание собственной сути превращает художника Рембрандта в творца невербальной философии – предтечу экзистенциализма. А никем не повторенное самоисследование предвосхитило открытие, названное четыреста лет спустя экзистенциальным переворотом.

В 1659 году Рембрандт создал свой образ, смысловое содержание которого, возможно, было выведено словом лишь Альбером Камю в «Чуме». Разговор двух людей в замкнутом кругу земного ада отразил самый болезненный вопрос завершающегося Нового времени:

«– В сущности, одно лишь меня интересует, – просто сказал Тарру, – знать, как становятся святым.
– Но вы же в Бога не верите.
– Правильно. Сейчас для меня существует только одна конкретная проблема – возможно ли стать святым без Бога» [4, с. 279].

Вопрошающий, ищущий взгляд Рембрандта на автопортрете предвосхитил этот вопрос. И вполне вероятно, что именно тогда он обрел ничем извне не ограниченную, не почерпнутую из догм опору личностной святости, сотканную из неколебимых нравственных установок и бескомпромиссных импульсов совести. И самый последний его автопортрет, созданный в нищете и забвении, когда всё и все были утрачены, когда наступила одинокая старость, являет нескгибаемого человека, бесстрашно отдающего себе отчет в смысле своего существования.

Юноша, стоящий у озаренного внутренним сиянием тайны ненаписанного холста жизни, и старик, потерявший, казалось бы, все, но нашедший нравственный ответ о смысле пребывания в бытии – один и тот же человек. Ипостаси его внутренних преобразований связывает воедино жажда познания собственной сути. Его свободное от догм самосознание реализовано проникновением в смысл вещей и в последние дни озарено надеждой на Спасение.

Декарт признал факт самосознания. Рембрандт вывел из этого факта Истину самосозидания духовной свободы. Эти два открытия неравнозначны, как и две крупнейшие фигуры, символизирующие начало Нового времени. Из них двоих только Рембрандту непостижимым образом удалось передать не только начало великой эпохи, но и содержание ее финала. Символический круг замыкается в «Возвращении блудного сына». Там одновременно конец и начало, преклонение перед истоком и неизбежность новой свободы, выхода на простор самопознания. Завещание Рембрандта – притча об ответственности за право быть духовно свободным. Он имел право оставить нам эту притчу в назидание. Ибо в ней отражена вся его жизнь.

Утром, глядя на себя в зеркало, человек машинально делает нечто со своим ликом. Создает маску дозволенного отражения в глазах других. К окружающим следует явиться в более или менее подобающем виде.

И вдруг он оказывается у застекленной двери вагона метро. Поезд быстро набирает скорость. В туннеле между станциями внезапно обнаруживается – в отражении сиюминутно возникшего зеркала – самость человека, какова она есть. Внезапно возникший момент самонаблюдения... Глаза в глаза самому себе, на несколько мгновений непредвиденного зеркального оборота. Его никто не видит, он – неподготовленный, застигнутый врасплох собственным же взором – неумолимо обращен к вопросу о собственном смысле.

Наверное, самая большая загадка существа наших дней – как не отвести взгляд от пристального всматривания вглубь самого себя. Проще всего повернуться к стеклу спиной, хотя на нем и написано: «не прислоняться»...

Список источников

1. Декарт П. Рембрандт. М.: Молодая гвардия, 2010. 283 с.
2. Декарт Р. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
3. Камю А. Избранные произведения. М.: Панорама, 1993. 448 с.
4. Камю А. Посторонний. Чума. Харьков: Фолио, 1998. 336 с.
5. Мамардашвили М. Кантианские вариации. М.: Аграф, 2002. 320 с.
6. Паскаль Б. Мысли. М. – Харьков: АСТ; Фолио, 2001. 590 с.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2004. 639 с.
8. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Минск: Попурри, 1998. 672 с.
9. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

“MIRROR” OF EXISTENTIAL REVOLUTION: DESCARTES AND REMBRANDT

Izvekov Arkadii Igorevich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Saint Petersburg Institute of Special Pedagogy and Psychology
Arkady.izvekov@gmail.com

The article compares Descartes's epistemological position and Rembrandt's artistic philosophical principle. It is generally accepted that they are figures-symbols of the beginning of modern history. A comparison of their creativity, revealing profound differences between two philosophical positions open up new nuances of such a phenomenon as spiritual freedom. In turn, the comparison of this phenomenon with historical dynamics of a person's self-consciousness provides an opportunity for a clearer interpretation of the concept "existential revolution".

Key words and phrases: freedom; spiritual freedom; responsibility; consciousness; self-consciousness; existential revolution.